

Нет автора

**Отчет о двадцать пятом присуждении наград
графа Уварова**

**Приложение к 47 тому Записок Имп. Академии
наук №1**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о двадцать пятом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 47 тому Записок Имп. Академии наук №1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 206 с.

ISBN 978-5-458-00259-2

ISBN 978-5-458-00259-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1882 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

Для сонсканія наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено семь историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныя; къ нимъ присоединились три сочиненія, отложенныя отъ предыдущаго конкурса, такъ что всѣхъ конкурсныхъ сочиненій было десять.

Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Конференція Академіи, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ Я. К. Грота, Ф. И. Видемана, А. К. Наука, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, Комисія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за не-полученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе.

Имѣя въ своемъ распоряженіи въ настоящемъ году одну большую премию (въ 1,500 руб.), двѣ малыя преміи (въ 500 руб. каждая)

и одну поощрительную (въ 500 руб.), назначенную для отвѣтовъ на предложенныя задачи, Академія, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, одному изъ нихъ присудила большую премію и двумъ — меньшія. Сверхъ того, два сочиненія, признанныя также заслуживающими награды, удостоены, на основаніи § 16 правилъ, почетнаго отзыва.

Большою премію увѣнчано сочиненіе, подъ заглавіемъ:

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій.
Спб. 1881 г. 5 томовъ. 8°. При нихъ атласъ въ бол. листъ.

Появленіе этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго труда въ числѣ конкурсныхъ сочиненій налагало на Академію обязанность озаботиться тѣмъ, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ и оцѣненъ съ тою подробностью, какой онъ достоинъ. По этому она обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ извѣстному знатоку древней русской иконографіи В. В. Стасову. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ почтенный критикъ, одушевляясь важностью предмета, которому посвящено соч. г. Ровинскаго, составилъ обширную и обстоятельную рецензію, которая во всемъ ея объемѣ появится въ одномъ изъ здѣшнихъ учено-литературныхъ журналовъ, мы же удовольствуемся здѣсь приведеніемъ изъ нея, въ краткомъ извлеченіи, лишь главныхъ выводовъ.

Выпущенное г. Ровинскимъ въ свѣтъ, полтора года тому назадъ, изданіе—пишетъ г. Стасовъ—состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, изъ которыхъ каждое, взятое единично и само по себѣ, даже внѣ связи съ двумя другими, представляетъ высокій интересъ и наиважнѣйшее значеніе для нашей отечественной науки.

Дѣйствительно, еслибъ г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время на лицо русскихъ лубочныхъ картинъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, точно также, если бы онъ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ, содержащій въ себѣ копіи съ большаго числа наиважнѣйшихъ лубочныхъ картинокъ, даже безъ самомагнѣйшаго текста—опять таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, еслибъ г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ

(предоставляя другимъ двѣ первыя задачи), — онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣйшую нашу признательность.

Но что же должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и не побоявшись громадныхъ трудностей, представляемыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ, и представилъ такое сочиненіе, которое блистательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачи?

На эту работу г. Ровинскій употребилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ своей жизни, и какъ въ этомъ убѣждается тотчасъ всякій, кто ознакомится съ изданіемъ, не жалѣлъ при этомъ ни трудовъ, ни усилий, ни огромныхъ издержекъ.

Онъ началъ съ того, что просмотрѣлъ собственными глазами, не довѣряя прежнимъ описаніямъ, всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ, какія существуютъ въ Россіи, — не только большія и малыя, но даже самомагѣйшія, иногда состоявшія изъ нѣсколькихъ паръ картинокъ, способныхъ показаться на первый взглядъ слишкомъ малозначительными или даже и совсѣмъ ничтожными. Такимъ образомъ г. Ровинскому до послѣдней тонкости извѣстны были слѣдующія собранія лубочныхъ картинокъ: 1) капитальное собраніе Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ главную роль, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ значительныхъ коллекцій, играютъ коллекціи Погодина и Даля, 2) великолѣпное собраніе Петровскихъ гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Кабинетѣ Петра Великаго, 3) небольшія численно, но важныя по содержанию собранія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго Румянцовскаго музея, 4) громадное собраніе лубочныхъ картинокъ статсъ-секретаря Екатерины II Олсуфьева, принадлежащее теперь князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому въ Петербургѣ, 5) хорошія и болѣе или менѣе значительныя, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи собранія гг. Демидова, Ефремова, Гольшева, князя Вяземскаго, Пыпина, Неустроева, Образцова, Тихонравова, Буслаева, Щапова, Хлудова, Забѣлина, Филимонова, Губерта, Зайцевскаго, Некрасова, князя Дундукова-Корсакова, Безсонова, Ваулина, Геннадіи, Семейскаго, Вольфа, Тевяшева. Какъ дополненіе ко всѣмъ этимъ собраніямъ являлось собственное собраніе г. Ровинскаго, накапливавшееся въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, посредствомъ розысковъ и покупокъ то цѣлыми собраніями, то отдѣльными листами.

Замѣтимъ при этомъ, что по просьбамъ и настояніямъ г. Ровинскаго, нарочно для него отпечатаны оттиски со всѣхъ уцѣ-

лѣвшихъ до нашего времени гравированныхъ досокъ, деревянныхъ и металлическихъ, сохраняемыхъ въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ, какъ то: въ Древне-Христіанскомъ музеѣ Академіи Художествъ, въ Московской Синодальной типографіи, въ Кіевской Духовной Академіи, въ типографіи Кіево-печерской лавры, въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря, и т. д.

Совокупя все это вмѣстѣ, мы вправѣ сказать, что въ настоящее время врядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лубочная картинка, напечатанная до 1839 г. которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключенія и есть, то они могутъ быть только малочисленны; слишкомъ много было произведено розысковъ, сношеній, для открытія всего таящагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи (не говоря уже о большихъ центрахъ), такъ что мало остается вѣроятности, чтобы еще много неизвѣстнаго матеріала могло быть открыто впоследствии.

Общій итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинскаго, доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8,000 листовъ.

Подробному описанію этого матеріала посвящены первые три тома изданія г. Ровинскаго, занимающіе 1740 страницъ, а если прибавить къ нимъ добрую половину IV тома, ту, что содержитъ въ себѣ «Дополненія», то выходитъ, что одно, такъ сказать, наружное описаніе лубочныхъ картинокъ занимаетъ далеко болѣе 2000 страницъ крупнаго формата.

При описаніи картинокъ, г. Ровинскимъ употреблены приемы самые рациональныя и вполне удовлетворительныя, а именно: скопированы заглавіе гравюры и текстъ (тамъ, гдѣ они существуютъ), обозначены размѣры картины, ея мѣстонахожденіе, способъ и качество гравированія, разныя изданія картинки; тутъ же вкратцѣ дано описаніе того, что на ней изображено.

Не довольствуясь одною этою, уже и такъ почтенною задачею — описанія существующаго, г. Ровинскій задумалъ представить, подъ видомъ громаднаго атласа, выборку всего важнѣйшаго, значительнѣйшаго и лучшаго изъ того, что онъ видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку по части русскихъ лубочныхъ картинокъ. Такое предпріятіе требовало, кромѣ знанія и труда, также и значительныхъ затратъ. Но г. Ровинскій не остановился предъ ними, и обо-

гатишь науку такимъ иконографическимъ изданіемъ, какого у насъ еще никогда не появлялось. Атласъ г. Ровинскаго представляетъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи нашей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Авторъ совершенно правъ, когда говоритъ въ предисловіи къ атласу: «Въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи». Дѣйствительно, здѣсь появляются, и должно замѣтить, въ первый разъ спустя лѣтъ полтора ста послѣ перваго появленія ихъ на свѣтъ, богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать въ видѣ настоящихъ картинъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей-Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д. Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ: здѣсь напважнѣйшую роль играютъ листы раскольничьи на сюжеты историческіе, каковы напр. «Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ», «Мыши kota погребаютъ» — обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такіа юмористическія изображенія, какъ «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ», «Шемякинъ судъ», смѣхотворная «Просьба Колязинскихъ монаховъ», «Нѣмка верхомъ на старикѣ», «Судъ мужика надъ дворяниномъ» и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ войнъ прошлаго столѣтія съ пруссаками и турками, почти полное собраніе карпкатуръ на Наполеона I и французовъ — карикатуръ, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 г., а также юмористическіе листы на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ исторической или бытовой, каковы напр. «Казнь убійцъ Жуковыхъ», «Прививаніе оспы», «Кулачные бойцы», «Пляска», «Ппрушка», изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саяхъ и колесахъ, цѣлая «Лицевая комедія», съ изображеніемъ древняго русскаго театра и публики XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольше мѣста отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религиознымъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣленій заняло бы здѣсь много мѣста.

Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картпнокъ, воспроизведенныхъ различными способами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіею; тѣ же, которыя представляли болѣе художественнаго достоинства, выполнены посредствомъ фотолитографіи или даже и фотогравюры. Раскраска производилась отъ руки, на манеръ иконнаго способа.

Бумага для атласа, подражающая старинной бумагѣ, отлита специально въ мастерскихъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, которою выполнены также и вообще всѣ работы по изготовленію атласа.

Но, не смотря на всю значительность издержекъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ изданіемъ многихъ сотенъ картинокъ въ величину оригинала (размѣры котораго доходили иногда до 2½ аршинъ, какъ на прим. въ «Мамаевомъ побойщѣ»), г. Ровинскій имѣлъ въ виду только одно — чтобы атласъ стоилъ какъ можно менѣе. Дѣйствительно, онъ представляетъ такую, сравнительно говоря, крайнюю дешевизну, которую не можетъ не оценить каждый, кто знаетъ во-что обходятся у насъ изданія дѣйствительно точныхъ и вѣрныхъ гравюръ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Ровинскій говоритъ: «Примѣчанія напечатанныя въ IV томѣ, и «Заключеніе», замѣняющее обычное «предисловіе», помѣщенное въ V томѣ, имѣютъ чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было здѣсь почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше». Но не должно давать полную вѣру такому черезъ чуръ скромному отзыву автора о своемъ трудѣ; «Примѣчанія» IV тома и «Заключеніе» V тома представляютъ вовсе не одну только механическую компиляцію случайно попадавшихся подъ руку свѣдѣній и матеріаловъ, а такой рядъ отдѣльныхъ, систематически-предпринятыхъ, сложныхъ изслѣдованій, которыя обогащаютъ исторію русскаго народнаго искусства и русской національной культуры новыми и многообразными результатами.

Г. Ровинскій изучилъ для этого, можно сказать, цѣлую бібліотеку предметовъ, входившихъ въ кругъ его изслѣдованій; посѣтилъ всѣ главныя книгохранилища и эстампныя коллекціи Европы; совершилъ нѣсколько путешествій въ чужіе края, побывалъ со своею специальною цѣлью даже въ Каирѣ, Китаѣ, Японіи и Индіи, и оттуда вывезъ кипы мѣстныхъ любочныхъ картинокъ, казавшихся ему необходимыми при изслѣдованіи вопроса о коренномъ

происхожденіи той или другой русской лубочной картинки; наконецъ добылъ себѣ, цѣною долгихъ поисковъ, не малое количество старопечатныхъ нѣмецкихъ, голандскихъ и иныхъ лубочныхъ картинокъ, въ книгахъ и отдѣльными листами, все съ цѣлью найти первообразы иныхъ русскихъ лубочныхъ картинокъ, тѣхъ которыя были не отечественнаго нашего происхожденія. Неужели весь этотъ огромный систематическій трудъ розысканія и изслѣдованія можетъ быть названъ механическою «компиляціей»?

Нѣтъ, значеніе труда г. Ровинскаго совершенно иное, и полное его достоинство можетъ быть раскрыто только подробнымъ изученіемъ.

Превосходный и обширный алфавитный указатель именъ и предметовъ, приложенный къ изданію и занимающій цѣлыхъ 200 страницъ, много прибавляетъ къ достоинству, значенію и полезности сочиненія.

Сводя къ итогу свои замѣчанія о трудѣ г. Ровинскаго, рецензентъ высказываетъ убѣжденіе, что это сочиненіе должно считаться не только однимъ изъ очень крупныхъ явленій нашей художественно-научной литературы, но даже монументальнымъ. «Атласъ изъ 500 картинокъ, составленный изъ всего—говоритъ г. Стасовъ,—что только есть самаго важнаго, значительнаго и интереснаго, даетъ въ руки каждому изслѣдователю, русскому и иностранному, такой матеріалъ изъ области русскаго народнаго творчества, который былъ до сихъ поръ почти вовсе недоступенъ и который отъ настоящаго времени, можно сказать, застрахованъ отъ гибели и окончательнаго исчезновенія, слишкомъ неумолимо тяготѣвшихъ надъ русскими лубочными картинками. Описаніе же и изслѣдованіе ихъ г. Ровинскимъ вносятъ свѣтъ въ области, до него едва затронутыя. Конечно, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно отъ недостатковъ. Между ними главное мѣсто занимаютъ нѣкоторая слабость систематизаціи, нѣкоторыя неточности въ сравненіяхъ и выводахъ, нѣкоторыя неисправности въ передачѣ текстовъ, и, въ особенности раскрашеніе въ атласѣ всѣхъ картинокъ сплошь, между тѣмъ какъ очень многія оригинальныя картинки вовсе не раскрашены, — значить у г. Ровинскаго эти картинки являются раскрашенными произвольно и наугадъ, вводя тѣмъ читателя въ заблужденіе насчетъ настоящаго вида и облика подлинника. Но всѣ эти недостатки должны быть признаны лишь частными и никоимъ образомъ столь существенными, чтобы отъ нихъ затемнялось и въ значительной степени

уменьшалось коренное достоинство какъ сочиненія, такъ и атласа. Изданіе г. Ровинскаго есть наиболѣе зрѣлое, полное и выдержанное изъ всѣхъ выпущенныхъ имъ до сихъ поръ въ свѣтъ сочиненій. Оно приноситъ нашей историко-художественной наукѣ, не только громадную пользу, но и великую честь. По этому, если Императорская Академія Наукъ присуждала за предыдущія сочиненія г. Ровинскаго вторыя награды, ей невозможно было бы, не присудить нынѣшнему его сочиненію первостепенной награды».

Вполнѣ соглашаясь съ такимъ заключеніемъ ученаго рецензента, Академія присудила г. Ровинскому большую Уваровскую награду, въ убѣжденіи, что она чрезъ это лишь исполнила долгъ справедливости въ отношеніи многозаслуженнаго знатока и неутомимаго изслѣдователя исторіи гравировальнаго искусства въ нашемъ отечествѣ.

Второе, увѣнчанное премією сочиненіе относится также къ еще малоразработанной наукѣ — русской археологіи. Оно принадлежитъ перу молодого любителя нумизматики, графа И. И. Толстаго, и имѣетъ своимъ предметомъ древнерусскія монеты временъ великаго князя Владиміра и двухъ его непосредственныхъ преемниковъ¹⁾.

Для оцѣнки этого сочиненія, Академія имѣла въ средѣ своей компетентнаго судью въ лицѣ Академика Куника. Сверхъ того она не могла не принять въ соображеніе, что другой знатокъ русскихъ древностей, нашъ почетный членъ графъ А. С. Уваровъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ (въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, т. IV, 1862 столб. 127—144), вызванный на то г. Куникомъ, высказалъ свое мнѣніе по предмету, которому посвященъ трудъ графа Толстаго, что впоследствии онъ занимался новыми розысканіями объ этомъ предметѣ и что, наконецъ, въ подписанной имъ програмѣ четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани, были предложены слѣдующіе два вопроса: 1) монеты съ именемъ князя Владиміра могутъ ли быть приурочены къ Владиміру Святому, или должны быть отнесены къ эпохѣ болѣе поздней (пунктъ 35) и 2) какому Святополку принадлежатъ монеты Нѣжинскаго клада, съ именемъ Святополка (пунктъ 36). Редакція этихъ

¹⁾ Заглавіе сочиненія: *Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа И. И. Толстаго. Съ 19 таблицами рисунковъ. СПб. 1882.*

вопросовъ давала поводъ заключать, что графъ Уваровъ не вполне соглашается съ выводомъ г. Куника, изложеннымъ въ 3-мъ томѣ Извѣстій Археологическаго Общества, а именно съ тѣмъ, что спорныя монеты могли быть выбиты только Владиміромъ Святославичемъ, а отнюдь не его внукомъ. Въ виду этого разногласія Академія, согласно предложенію г. Куника, освѣдомлялась о томъ, не приметъ ли на себя графъ Уваровъ сообщить ей свой отзывъ о сочиненіи графа Толстаго, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его согласія на то, задача г. Куника по отношенію къ этому труду ограничилась разсмотрѣніемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ темныхъ пунктовъ предмета. На вопросъ, съ которымъ по этому поводу г. Куникъ обращался къ графу Уварову, послѣдній увѣдомилъ, что онъ, къ сожалѣнію своему, не можетъ, по недостатку времени, взять на себя оцѣнку книги графа Толстаго. За такимъ отзывомъ, Академія, считая всетаки необходимымъ, чтобы объ этой книгѣ высказался кто либо изъ постороннихъ ей специалистовъ, обратилась къ содѣйствію Д. И. Прозоровскаго, какъ лица, уже съ давнихъ поръ занимающагося русской нумизматикою и со стороны котораго можно было ожидать вполне объективнаго сужденія по трудному вопросу о времени чеканки Владиміровыхъ монетъ. Съ готовностью принявъ это приглашеніе, почтенный нумизматъ доставилъ намъ обстоятельную рецензію.

Первое извѣстіе о монетахъ съ именемъ Ярослава явилось въ литературѣ въ концѣ XVIII столѣтія, тогда какъ монеты съ надписью «Владиміръ» стали извѣстны въ ней только съ 1816 г. Если взять въ расчетъ тогдашнее состояніе науки о русскихъ древностяхъ, то не покажется удивительнымъ, что должно было пройти много времени прежде чѣмъ составилось нѣкоторое ясное воззрѣніе на эти памятники. Не было недостатка даже въ такихъ людяхъ, которые или подвергали сомнѣнію вообще русское происхожденіе этихъ монетъ, или рѣшительно приписывали ихъ южнославянскимъ князьямъ, хотя въ то время еще не имѣлось даже полнаго списка послѣднимъ. Этимъ объясняется также, почему А. Д. Чертковъ, признаваемый теперь вообще основателемъ древнерусской нумизматики, въ своемъ сочиненіи «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Москва 1834 г.», рассматриваетъ только монеты XIV—XVI столѣтій и не говоритъ ни слова о монетахъ Владиміра и Ярослава.

Между тѣмъ, послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Черткова, были открыты новые экземпляры монетъ. Въ особенности обра-

тилъ на себя общее вниманіе нумизматовъ найденный въ 1852 г. въ Нѣжинѣ кладъ, состоявшій изъ сотни серебряныхъ монетъ съ означенными на нихъ именами князей Владиміра, Святополка и Ярослава. По замѣчанію г. Прозоровскаго, этимъ кладомъ окончательно устранено сомнѣніе въ дѣйствительной подлинности Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ. Не прошло десяти лѣтъ со времени Нѣжинской находки, какъ вновь распространились несомнѣнныя свѣдѣнія объ экземплярахъ подобныхъ монетъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ Швеціи, Мекленбурга и Польши. Это имѣло послѣдствіемъ, что вопросъ объ этихъ монетахъ, какъ выражается рецензентъ, сталъ вполне научнымъ, съ характеромъ системы. Тѣмъ не менѣе до сего времени не существовало такой монографіи, въ которой были бы всесторонне изслѣдованы эти памятники, столь важные для исторіи русской культуры. Для составленія подобной монографіи требовалось, сверхъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, много труда и времени. Кромѣ того, было совершенно необходимо, чтобы ея составитель видѣлъ собственными глазами и имѣлъ въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ главные типы всѣхъ до настоящаго времени найденныхъ русско-византійскихъ монетъ.

Благопріятныя обстоятельства поставили графа И. И. Толстаго въ возможность взяться за разъясненіе столь обширнаго вопроса и рѣшить его съ желаемымъ успѣхомъ. Не только онъ самъ владѣлъ лучшею частью Нѣжинскаго клада и замѣчательнѣйшими Владиміровыми монетами, найденными въ 1878 г. въ Кіевѣ, но ему удалось также пользоваться всѣми экземплярами, хранящимися въ различныхъ публичныхъ учрежденіяхъ Петербурга, Москвы и Кіева. Кромѣ того онъ имѣлъ возможность изслѣдовать монеты, доставленныя ему для этого частными лицами въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ разсмотрѣть болѣе 180 экземпляровъ т. е. $\frac{5}{6}$ всего, извѣстнаго ихъ числа, чего было весьма достаточно для составленія о предметѣ отчетливаго понятія и для постановки его на твердой научной почвѣ.

Трудъ графа Толстаго состоитъ изъ предисловія, весьма обстоятельнаго, зрѣло обдуманнаго и отчетливо изложеннаго, и изъ шести главъ, съ дополненіями. Къ изданію приложены: а) библиографическій списокъ, обнимающій всю литературу Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ; б) указатели азбучные: именъ, предметовъ и легендъ; в) 15 таблицъ рисунковъ, изъ которыхъ четыре фотографическія, а остальные прекрасно гравированныя.